

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 61–66. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 61–66. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.2. Всеобщая история

УДК 94(517.3)''20''

EDN HZDSGV

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-61-66>

ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ В ТРАНСФОРМАЦИИ МОНГОЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА В 20–30-Е ГГ. XX В.

Батунаев Эдуард Владимирович, кандидат исторических наук, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН, Улан-Удэ, Россия, Batunaevduard@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6641-4124>

Аннотация. В данном исследовании показан многофакторный процесс формирования новой партийно-политической элиты в Монголии 20–30-х гг. XX в. в наиболее сложный период борьбы за суверенитет и становление Монгольского государства. В фокусе внимания автора – анализ внутривнутриполитических и внешнеполитических факторов, влияющих на выработку основных принципов и механизмов становления монгольской партийно-политической элиты и ее участия в процессе трансформации традиционного монгольского общества на основе социалистической модели модернизации. Дана характеристика процесса формирования монгольской партийно-политической элиты от создания первых революционных кружков Монгольской народной партии (МНП, с 1925 г. МНРП) до коренных мероприятий социалистического переустройства общества. Особое внимание уделяется формированию «тактического альянса» на первоначальном этапе революционного процесса, внутривнутриполитической борьбе в рядах монгольской партийно-политической элиты, проведении коренных социальных преобразований и трансформации монгольского общества в период 20–30-х гг. XX в. На основе архивных материалов и с учетом достижений современной отечественной и зарубежной историографии рассматриваются проблемные и узловые вопросы, касающиеся процесса формирования политической элиты и трансформации социалистической модели в Монголии в 20–30-е гг. XX в. В статье сформулирован основной вывод, что в период 20–30-х гг. XX в. борьба между старыми и новыми общественными силами, формирование новой партийно-политической элиты развертывались на весьма своеобразном фоне, который характеризовался, с одной стороны, стремлением к национальному единству, возрождением монгольской государственности, с другой – поиском оптимальной модели общественного развития в текущих исторических условиях.

Ключевые слова: трансформация, элиты, Коминтерн, партийные структуры, революционный процесс.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках государственного задания (проект № 121031000241-1 «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства»).

Для цитирования: Батунаев Э.В. Партийно-политические элиты в трансформации монгольского общества в 20–30-е гг. XX в. // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 61–66. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-61-66>

Research article

COMMUNIST PARTY'S AND POLITICS' ELITES IN THE TRANSFORMATION OF MONGOLIAN SOCIETY IN THE 1920S TO 30S

Eduard V. Batunaev, Candidate of Historical Sciences, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of Science, Siberian Branch, Ulan-Ude, Buryatia autonomy, Russia, Batunaevduard@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6641-4124>

Abstract. This study shows the multifactorial process of formation of new communist and political elite in Mongolia in the 1920s and 30s during the hardest period of the struggle for sovereignty and the formation of true Mongolian state. The author focuses on the analysis of domestic political and foreign policy factors influencing the development of the basic principles and mechanisms of the formation of the Mongolian Communist Party's and politics' elite and its participation in the process of transformation of traditional Mongolian society based on the socialist modernisation model. The characteristics of the process of formation of the Mongolian communist and political elite from the very first revolutionary circles of Mongolia People's Party to the fundamental measures of the country's socialist reorganisation are given. Particular attention is paid to the formation of a "tactical alliance" at the initial stage of the revolutionary process, the internal political struggle in the ranks of the Mongolian communist and political elite in carrying out fundamental social changes and the transformation of Mongolian society in the period of the 1920s-40s. On the basis of archival material and taking into account the achievements

of modern Russian and foreign historiography, problematic and key issues of Russian historiography of the process of formation of the political elite and the transformation of the socialist model of the socialist model in Mongolia in the 1920s-30s are considered. The author concluded that the period of the 1920s and 30s, the struggle between old and new social forces, the formation of a new communist and political elite unfolded against a very unique background characterised, on the one hand, by the desire for national unity, the revival of Mongolian statehood, and on the other hand, by the choice of the optimal model of social development in those historical conditions.

Keywords: transformation, elites, Comintern, Communist Party structures, revolutionary process.

Acknowledgments. The research was carried out within the framework of the state assignment (project No. 121031000241-1 “Historical space of the Mongolian world: archaeological cultures, societies and states”).

For citation: Batunaev E.V. Communist Party's and politics' elites in the transformation of Mongolian society in the 1920s to 30s. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 61–66 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-61-66>

В XX веке произошли революционные события, которые имели значительное влияние на судьбы многих стран Востока, включая Монголию. Эти процессы продолжают привлекать большое внимание научного сообщества и общественности, независимо от изменений в исторической парадигме и методологии. Исследование партийно-политической элиты Монголии в 20-30-е годы XX века и ее влияние на формирование социокультурных, политических и внешних характеристик нового Монгольского государства имеет особую актуальность. Монголия в XX в. прошла сложный и драматический путь завоевания независимости и суверенитета, коренных социальных преобразований, трансформации монгольского общества, перехода к социалистической модели развития.

Все эти важнейшие революционные процессы проходили в чрезвычайно сложный период, обусловленный острой внутривнутриполитической борьбой, угрозами внешней экспансии, ломкой старых традиционных институтов, появлением и развитием новых политических, социальных, экономических отношений. Целью настоящей работы является комплексное исследование формирования партийно-политической элиты с учетом внутривнутриполитического и геополитического факторов, оказавших важнейшее влияние на трансформацию, социальные преобразования и выбор модели развития Монголии. В связи с этим особую актуальность приобретает исследование партийно-политической элиты Монголии 20–30 гг. XX в., ее влияния на формирование социокультурных и политических характеристик, внешних и внутренних факторов становления нового Монгольского государства.

Обзор литературы. Современные российские ученые применяют комплексный подход в изучении данной темы и освобождены от идеологических оценок, используя широкий корпус новых источников в исследовании партийно-политической элиты Монголии, механизмов и эволюции ее развития. Признанный историк-монголовед С.К. Рощин в своей работе «Политическая история Монголии XX в.» не только детально раскрывает политическую борьбу, происходящую в Монголии, но также анализирует портре-

ты известных монгольских политических деятелей. Он подробно исследует контакты монгольских революционеров с советскими партийными организациями и Коминтерном, отмечая, что, помимо практической поддержки, последние также предоставляли помощь по вопросам тактики и стратегии в революционной борьбе. Особое внимание следует уделить работе «Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в.: политические взаимоотношения в 1911–1946 гг.» С.Г. Лузянина – известного эксперта в области внешнеполитической истории России, Китая и Монголии. В своем исследовании автор освещает проблемы, которые ранее не получали должного освещения, такие как роль Коминтерна, логика заключения соглашений между СССР и Монголией, СССР и Китаем, а также взаимосвязь революционных событий в Китае, России и Монголии. С.Г. Лузянин справедливо отмечает, что Монголия была не только объектом внешней политики своих соседей, но и осуществляла свою собственную этнорегиональную политику в отношении Бурятии и Тувы.

Западные исследователи в своих работах рассматривают проблемы формирования новой партийно-политической элиты, политических репрессий и другие аспекты истории Монголии. Особое внимание американский историк, антрополог К. Каплонски уделяет роли показательных процессов как индикаторов политического насилия, проводимых новыми правительственными структурами. Он исследует судебные процессы против высших духовных лидеров буддийской церкви в Монголии и считает их предвестниками политических репрессий. К. Каплонски приходит к выводу, что использование государственного насилия стало инструментом внутривнутриполитической борьбы между «правыми» и «левыми» группировками в Монгольской Народно-Революционной Партии [Kaplonski: 321–327]. Особую значимость представляет работа немецкого ученого У. Баркмана «Возрождение буддизма в Монголии». В ней автор вникает в глубинные процессы, определяющие взаимоотношения между монгольским буддизмом и национализмом, а также исследует их взаимос-

вязь с идеологией панмонголизма и ролью буддизма в национально-освободительном движении в Монголии [Barkman: 34–40].

Методология и методы исследования. В своей работе автор опирался на принципы объективности, историзма, научности, историко-генетический, историко-диахронный, историко-системный, историко-динамический, сравнительно-исторический, ретроспективный методы исследования. Применение таких методов дало возможность автору наиболее полно и объективно осветить эволюцию формирования новой партийной элиты в Монголии 20-30-х гг. XX в. и ее участия в процессе трансформации традиционного монгольского общества на основе социалистической модели модернизации.

Результаты исследования и их обсуждение. Одним из результатов антикитайских настроений, усиливающихся в монгольском обществе, стало возникновение в 1919 г. двух тайных кружков из представителей высших и средних социальных слоев, выступающих за национальное освобождение. 25 июня 1920 г. состоялось совместное заседание обеих групп, в результате которого они объединились в одну организацию под названием «Монгольская народная партия» (МНП, а с 1925 г. МНРП) [История Монгольской: 601]. Первые революционеры (многие из них впоследствии составили политическую элиту Монголии) были смешанного социального происхождения, включая мелких чиновников, представителей духовенства, буржуазии, аратов. Монгольские революционеры обратились к Советской России с просьбой о помощи, поскольку они видели ее как единственную страну, способную помочь им сохранить независимость. В этой связи в Советскую Россию была отправлена делегация монгольских революционеров, вошедшая в историю как «знаменитая семерка» (Дандзан, Доксом, Лосол, Бодо, Шагдурджап, Чойбалсан и Сухэ-Батор при переводчике Э.Д. Ринчино), где их встретил заместитель уполномоченного по иностранным делам в Сибири и на Дальнем Востоке тов. Ф.И. Гапон¹.

По мнению А.С. Железнякова, во время встреч и обсуждений монгольской делегации с советскими представителями возникло твердое убеждение, что они могут принять участие в большевистском движении и содействовать созданию своеобразной Степной коммуны при поддержке Советской России [Железняков: 49]. Во-первых, интерес к большевизму был вызван, прежде всего, стремлением монголов к национальной консолидации и геополитическими соображениями. Во-вторых, Монголия рассматривалась руководством Советской России как своеобразный плацдарм, через который можно было распространять идеи мировой революции на Восток, прежде всего в Китай.

Первые шаги члены МНП делали под чутким руководством Секции народов Востока Сиббюро ЦК РКП(б) в Иркутске – организации, которая в начале 1921 г. перешла в ведение Дальневосточного секретариата ИККИ. Коминтерн считал, что тактика классовой борьбы между различными социальными слоями монгольского общества и создание советских органов были несвоевременными в данный период. В то же время прозвучала рекомендация к МНП искать поддержку у широких слоев населения, прежде всего опираясь на арад (народ) [Morozova 2009: 8].

После встречи монгольской делегации с Лениным Монголия начала активно следовать социалистическому пути развития. Коминтерн оказывал поддержку Монголии через отправку специалистов и инструкторов из числа бурят и калмыков, владеющих монгольским языком, знающих обычаи и культуру монголов. Кроме того, Монголии предоставлялись значительные финансовые, материальные и военно-технические ресурсы². Под руководством Б.З. Шумяцкого организовывалась работа по привлечению государственных и партийных кадров в Монголию, чтобы помочь в государственном строительстве и развитии ее народного хозяйства. Многие бурятские деятели, такие как Э.-Д. Ринчино, Э. Батухан, Ц. Жамцарано и Б. Ишидоржин, были отправлены в Монголию для помощи в ее развитии по линии ВКП(б) и Коминтерна³. Многие монгольские партийные и политические деятели прошли обучение по подготовке национальных кадров в учебных заведениях Коминтерна в Иркутске, Москве, Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ). Вместе с тем Коминтерн уделял большое внимание контролю над «сочувствующими партиями» и организациями. После революции 1921 г. в Монголии приступили к формированию новых органов власти и политических структур. Новые общественные силы, руководимые МНП, вступили в управление государством. Надо отметить, что Монгольской революции 1921 г. сопутствовал ряд факторов, способствовавших ее успеху. Во-первых, прямое участие и поддержка аратских масс, патриотически настроенных князей и лам, во-вторых, национальное единение стало важным фактором успеха, в-третьих, слабость Китая, его центрального правительства также не позволила ему активно вмешаться в дела Монголии [История Монголии: 64]. После июльской победы в Монголии возникли три центра национальной власти: партийный, правительственный и военный. Партийный центр был представлен Данзаном, правительственный центр – Бодо, а военный центр – Сухэ-Батором. Эти центры координировали свои действия для управления государством и создания новых политических структур. Правительство Монголии, помимо представителей МНП, также включало представителей духовенства и князей [Рошин 2011: 75].

Богдо-гэгэн VIII, глава ламаистской церкви, был провозглашен ограниченным монархом. Между Народно-революционным правительством и Богдо-гэгэном VIII был заключен так называемый «Клятвенный договор», который ограничивал полномочия верховного иерарха буддийской церкви и делегировал ему власть преимущественно в церковно-религиозной сфере. Основные цели и задачи нового государства Монголии заключались в построении нового общества и уничтожении остатков феодально-теократического строя⁴. Эти цели были закреплены в программных установках МНП, и основной приоритет отдавался развитию революционного процесса в соответствии с национальными интересами. Люди из низших слоев общества в Монголии смогли достичь значимых и высоких положений. Они стали руководителями аймаков, министрами и даже главами государства. Состав монгольского правительства включал людей из разных сословий: учителей, журналистов, лам, чиновников и др. Однако следует отметить, что коминтерновские работники считали Монгольскую народно-революционную партию (МНРП), по сути, буржуазной партией, поскольку большая часть населения Монголии состояла из скотоводов-собственников или мелкой буржуазии. Для МНРП было опасным резкое смещение властных элит на местах. Поэтому партия придерживалась курса на постепенное замещение их своими представителями.

Политический союз между Коминтерном, монгольскими революционерами и ламами продлился с 1921 по 1924 г., в течение которых революционное правительство не проводило никаких кампаний против лам. Влияние духовенства продолжало усиливаться до самой революции 1921 г. [Кузьмин: 74]

Богдо-гэгэн VIII оставался живым Буддой, которому поклонялись ламы и члены МНРП, охраняемым Красной армией. Тем временем в Монголии началась борьба между старыми и новыми общественными силами. Прежде всего, она была связана с выбором общественного пути развития, с противостоянием традиционным институтам монгольского общества и обусловлена сильным влиянием буддийской церкви, старой знати. На наш взгляд, «тактический альянс» новой власти в лице Народно-революционного правительства с буддийской церковью был направлен на завоевание власти монгольскими революционерами в борьбе с внутренней и внешней оппозицией и раскол старых элит. Между тем старая элита стала отказываться от прежних феодальных титулов и начала переходить на сторону МНП. Так, в 1921 г. Сумьяа-бэйсэ, Хатан-Батор-ван Максаржав (титул которого теперь стал «Ардын, Народный Хатан-Батор»), затем – туслагч-гун премьер-министр Б. Цэрэндорж [Рошин: 78].

В начале 1920-х годов в Монголии наблюдалась не только конфронтация между различными политическими структурами, но и внутренняя фракционная борьба во властных кругах, включая Центральный комитет МНП/МНРП и правительства. Кроме того, предвестником надвигающихся политических репрессий в Монголии стали репрессии против политических деятелей, в частности судебные процессы над премьер-министром Д. Бодо, секретарем ЦК МНРП С. Данзаном и др.

В 1924 году, после смерти Богдо-гэгэна VIII, была провозглашена Монгольская Народная Республика, принята первая конституция в истории страны. В этой конституции были заложены основные элементы новой социально-политической системы и политического процесса, которые существенно отличались от предыдущих эпох⁵.

Вследствие критики со стороны коминтерновских представителей и художественной оппозиции национальным демократам было трудно проводить свою политическую линию и сохранять единство своих рядов. В феврале 1927 года национальные демократы, представленные опытными деятелями, такими как Б. Цэрэндорж, Ц. Жамцарано, А. Амар и др., сформулировали свое «политическое кредо», основная идея которого заключалась в укреплении монгольского национального самосознания, упрочении государственности, обеспечении полного государственного суверенитета, уважительного отношения к религии и расширению международных связей. Эти принципы были сформулированы как основа для развития и укрепления нового государства, историческое значение которой заключалось в воссоздании монгольской государственности на ее исконной территории [Рошин: 219].

Логическим продолжением победы монгольской революции 1921 г. было проведение реформ буржуазно-демократического характера во всех сферах общественной жизни. Согласно мнению монгольского ученого Ч. Дашдаваа, буржуазно-демократические преобразования, проводимые в Монголии, полностью соответствовали национальным интересам страны и привели к социально-экономическому прогрессу. Эти преобразования способствовали подъему экономики и постепенному улучшению уровня материального благосостояния населения. Социально-психологический фактор стабилизации общества был определен соблюдением членами общества норм и ценностей, характерных для существующего строя [Дашдаваа: 59]. Таким образом, по мнению ученого, проводимые реформы и стабилизация общества создали условия для социально-экономического развития и улучшения жизни населения Монголии.

Как видим, в этот момент произошел раскол партийно-политических элит на сторонников буржу-

азно-демократического развития – национал-демократов (правые) и радикальных преобразований по социалистической модели (левые), получившей в исторической литературе название внутривнутриполитической борьбы «правых» и «левых уклонов» МНП.

После VII съезда МНРП 1928 г. новые монгольские лидеры приступили к последовательному осуществлению намеченных коренных социальных преобразований. Согласно Конституции МНР, еще в 1924 г. были отменены титулы и звания бывших владетельных и служилых князей и дворян (тайчи), а также владетельные права хутухт и хубилганов [История Монгольской: 346]. Более того, прежняя социальная структура монгольского общества, строившаяся на основе сословной иерархии, была ликвидирована. В рамках социальных преобразований в Монголии были приняты решения, направленные на уменьшение численности монастырей и изменение статуса духовенства. Эти меры включали, прежде всего, закрытие монастырей, вывод монахов из религиозного состояния и перевод их в мирское. Был также введен запрет на поиск новых хубилганов (духовных лидеров) и активизирована политика раскола ламства по имущественному принципу.

К началу XX в. в Монголии представители буддийского духовенства были, во-первых, самым влиятельным и богатым сословием, во-вторых, наиболее образованными людьми, в-третьих, духовными учителями и наставниками аратов [Morozova 2009: 49]. Известный американский ученый О. Латтимор выдвигает одну из обоснованных причин того факта, что ламы поддерживали МНП и Народное правительство на самых первых этапах революции: «... идентифицируя интересы своего класса с национализмом, они хотели защитить монголов от подчинения китайской культуре» [Lattimore: 7]. Монгольское чиновничество, состоявшее главным образом из невладетельных князей, было слабым, в прошлом подавленным цинской администрацией. Владетельные князья, в свою очередь, представляли собой малочисленную группу [Майский: 38–39]. Все эти процессы и реформы не могли не вызвать недовольства среди широких слоёв населения.

Проводилась конфискация имущества у феодалов, бывших чиновников и высших лам, создавались колхозы и госхозы по советскому образцу [Кузьмин: 363]. Кроме того, по мнению монгольского историка О. Батсайхана, Коминтерн проводил политику по расколу монгольского партийной элиты на «правых» и «левых», «худонцев» и «ургинцев», «старых» и «новых» [Батсайхан: 290].

Настороженность коминтерновских работников вызывала недостаточно жесткая линия в отношении и ламства, и бывших феодалов. Вместе с тем политика левого руководства, антирелигиозная, «джаская»

кампания, форсированная коллективизация привели к волне недовольства у широких слоев населения, что вылилось в масштабные антиправительственные волнения в Монголии. В то же время следует отметить, что монгольские руководители П. Гэндэн, А. Амар, в особенности правого крыла МНП, были против крайних мер в отношении ламства, выступали за умеренность [Батсайхан: 142–143].

По сведениям И.Ю. Морозовой, все социально-экономические изменения в Монголии происходили на фоне острой политической борьбы между МНП и Революционным союзом молодежи (РСМ), между национальными демократами и революционной молодежью, приверженцами монархии и сторонниками республики, противниками Коминтерна и его последователями. Стратегия преобразования монгольского общества состояла в постепенном снижении политического и экономического влияния привилегированных кланов, что включало их предполагаемое физическое устранение, расслоение лам и обучение уже на советских и коминтерновских программах [Morozova 2009: 52].

Заключение. Таким образом, в период 20–30-х гг. XX века Монголия переживала сложные, драматические события, связанные с коренными изменениями в политической, общественной, экономической жизни, ломкой старых государственных институтов власти.

Политика «единого фронта» МНП / Народного правительства с частью феодалов и лам была направлена на раскол старых политических элит и демонтаж теократических институтов власти, сопровождавшийся временным «тактическим альянсом» духовенства и новой власти. Важнейшими мероприятиями новой революционной власти стали трансформация традиционных институтов, проведение радикальных преобразований, переход к социалистической модели развития, обеспечение государственного суверенитета и борьбы за независимость. Коренным образом изменилась и социальная структура общества. Вместе с тем борьба между старыми и новыми общественными силами развертывалась на весьма своеобразном фоне, который характеризовался, с одной стороны, стремлением к национальному единству, возрождением монгольской государственности, с другой – борьбой партийных и политических элит в поиске оптимальной модели общественного развития монгольского общества в тех исторических условиях.

Примечания

¹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 111. Оп. 1. П. 101. Д. 1. Л. 53–55.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 152. Д. 4. Л. 6–11.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 152. Д. 9. Л. 67–68.

⁴ Клятвенный договор между Народно-революционным правительством Монголии и Богдо-гэгэном 1 ноября 1921 г. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000129/st026.shtml> (дата обращения: 26.09.2023).

⁵ Конституция Монгольской народной республики 26 ноября 1924 г. URL: <http://constitutions.ru/archives/8185> (дата обращения: 26.09.2023)

Список литературы

Батсайхан О. Монголия на пути к государству-нации (1911–1946). Иркутск: Отгиск, 2014. 384 с.

Даидаваа Ч. Некоторые вопросы о характере монгольской революции 1921 г. // Мир Центральной Азии – 3. Улан-Удэ; Иркутск: Отгиск, 2012. 798 с.

Железняков А.С. Рождение монгольского коммунизма // Вестник Московского университета. Сер. 13. 2001. № 1. С. 46–60.

История Монголии. XX век / отв. ред. Г.С. Яскина. Москва: ИВ РАН, 2007. 448 с.

История Монгольской Народной Республики / сост. Ш. Нацагдорж, Б. Цэдэн, Б. Ширендыб и др.; гл. ред.: А.П. Окладников (СССР), Ш. Бира (МНР) и др. Москва: Наука, 1983. 601 с.

Кузьмин С.Л. О ликвидации феодалов как социальной группы в Монголии после революции 1921 г. // Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 3 (25). С. 72–85.

Майский И.М. Монголия накануне революции. Москва: Вост. лит., 1960. 310 с.

Роцин С.К. Монголынүндэснийбаатар Д. Сүхбаатар (намтрынхуудсууд): Национальный герой Монголии Д. Сүхэ-Батор (штрихи биографии). Улаанбаатар: Сэлэнгэ пресс компани, 2011. 280 х.

Barkmann U. Lamaismus in der Mongolei. Asien Africa Latinamerika, 1994, vol. 22, pp. 34–40.

Kaplonski C. Prelude to violence: show trials and state power in 1930 s Mongolia. American Ethnologist, 2008, vol. 32, No. 2, pp. 321–337.

Morozova I. Socialist Revolutions in Asia: The Social History of Mongolia in the Twentieth Century. London, Routledge, 2009, 172 p.

Morozova I. The Mongolian Revolution of 1921 and its International Effect. The Culture of the Russian Revolution and Its Global Impact: Semantics – Performances – Functions, “DigiOst” Series, 2020, pp. 243–268.

References

Batsaikhan O. *Mongoliya na puti k gosudarstvunatsii (1911–1946)* [Mongolia on the road to a nation-

state (1911–1946)]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2014, 384 p. (In Russ.)

Dashdavaa Ch. *Nekotorye voprosy o kharaktere mongol'skoi revolyutsii 1921 g.* [Some questions about the nature of the Mongolian revolution of 1921]. *Mir Tsentral'noi Azii* – 3. [World of Central Asia – 3]. Ulan-Ude, Irkutsk, Ottisk Publ., 2012, 798 p. (In Russ.)

Istoriya Mongolii. XX vek [History of Mongolia. XX century], ed. by G.S. Yaskina. Moscow, IV RAN Publ., 2007, 448 p. (In Russ.)

Istoriya Mongol'skoi Narodnoi Respubliki [History of the Mongolian People's Republic], comp. Sh. Natsagdorzh, B. Tsedен, B. Shirendyb & all.; ed. by A.P. Okladnikov (SSSR), Sh. Bira (MNR) & all. Moscow, Nauka Publ., 1983, 601 p. (In Russ.)

Kuz'min S.L. *O likvidatsii feodalov kak sotsial'noi grupy v Mongolii posle revolyutsii 1921 g.* [The elimination of feudal lords as a social group in Mongolia after the 1921 revolution]. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN* [Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences], 2023, No. 3 (25), pp. 72–85. (In Russ.)

Maiskii I.M. *Mongoliya nakanune revolyutsii* [Mongolia on the eve of the revolution]. Moscow, Vost. lit. Publ., 1960, 310 p. (In Russ.)

Roshchin S.K. *Mongolyn yndesnii baatar D. Sykhbaatar (namtryn khuudsuud): Natsional'nyi geroi Mongolii D. Sukhe-Bator (shtrikhi biografii)* [Mongolian national hero D. Sukhbaatar (Biography pages)]. Ulaanbaatar, Selenge press kompani Publ., 2011, 280 p. (In Russ.)

Zheleznyakov A.S. *Rozhdenie mongol'skogo kommunizma* [The Birth of Mongolian Communism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University], 2001, vol. 13, No. 1, pp. 46–60. (In Russ.)

Barkmann U. Lamaismus in der Mongolei. *Asien Africa Latinamerika*, 1994, vol. 22, pp. 34–40.

Kaplonski C. Prelude to violence: show trials and state power in 1930 s Mongolia. *American Ethnologist*, 2008, vol. 32, No. 2, pp. 321–337.

Morozova I. *Socialist Revolutions in Asia: The Social History of Mongolia in the Twentieth Century*. London, Routledge Publ., 2009, 172 p.

Morozova I. The Mongolian Revolution of 1921 and its International Effect. *The Culture of the Russian Revolution and Its Global Impact: Semantics – Performances – Functions*, “DigiOst” Series, 2020, pp. 243–268.

Статья поступила в редакцию 17.11.2023; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 18.03.2024.

The article was submitted 17.11.2023; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 18.03.2024.